

Литература и искусство

Орган правления Союза советских писателей СССР, Комитета по делам искусств при СНК СССР и Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.

№ 16 | 18 АПРЕЛЯ | ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО | 1942 ГОД | Цена 45 коп.

РОСТ СОВЕТСКОГО ТЕАТРА

Постановление советского правительства присуждения Сталинских премий за лучшие произведения искусства, созданные в 1941 году, будет отмечено в истории советского театра, как дата особенно знаменательная. Советское театральное искусство в дни Отечественной войны не только не утратило своего значения, силы своего воздействия на зрителей, своей общественной роли, но стало идейно более зрелым, политически острым и актуальным. По всей стране залы театров переполнены. Характерной особенностью репертуара театров в наши дни является преобладание в нем произведений, написанных советскими драматургами, большим успехом у зрителей пользуются спектакли, созданные на материале советской действительности, спектакли, в которых театр отвечает зрителю на самые волнующие их мысли и чувства.

Этот интерес народа к советской драматургии, это стремление театрального искусства к более глубоким связям с жизнью нашли свое отражение в Постановлении о Сталинских премиях. Премии по драматическому театру присуждены актерам и режиссерам, работавшим над шедеврами советских авторов. Премии первой степени получили руководители и актеры лучших театров — Художественного, поставившего спектакль «Кремлевские куранты» Н. Погодина, и Малого театра, поставившего комедию «В стенах Украины» Корнейчука. Премии второй степени присуждены — народному артисту СССР В. Василеву, поставившему главную роль в спектакле, и заслуженной артистке РСФСР В. Марковой за исполнение главной роли в спектакле «Надежда Дунаева» Липскеровой и Кочеткова.

Все это — свидетельство значительно роста советского театра и советской драматургии.

Наш театр сделал многое для перестройки на военный лад. От Мурманска и Сингапура до Еревана, Ташкента и Владивостока в театре идет напряженная творческая деятельность. Преодолевая трудности военного времени, театры обновили репертуар, ставят новые спектакли, сотни тысяч и миллионы рублей вкладывают в фонд обороны, организуют ежедневно концерты для частей Красной армии и раненых бойцов. Вот что пишут работники Мурманского драматического театра:

«Наш небольшой коллектив в течение последних месяцев занимался исключительно обслуживанием частей действующей Красной Армии, военно-воздушных сил и флота. Прилагая все силы для создания спектаклей, достойных показа войскам и командирам Красной Армии, мы, как и весь наш многомиллионный народ, полны гнева, когда слышим о зверствах гитлеровцев над мирным населением, о варварском уничтожении памятников искусства и культуры. Мы ясно осознаем, что сделали еще мало, что должны сделать много больше для помощи фронту, чтобы способствовать изгнанию из нашей земли и полному уничтожению фашистских зверов. Мы откликнулись двухдневным заработком, сборы от всех спектаклей в ближайшие три месяца в фонд строительства эскадрильи «Советский артист».

Горьковский театр оперы за восемь месяцев дал около 250 концертов в частях Красной Армии и госпиталях. Свыше 45 тысяч рублей артисты театра собрали в фонд обороны. Они поставили еженедельно отчислять еженедельный заработок в фонд обороны до конца войны.

О таких фактах и делах идут сообщения со всех концов страны. Это жила и чувства полных патриотов нашей родины, готовых все отдать для ее защиты на окончательного разгрома кровавых гитлеровских захватчиков.

Однако главный вклад театров в дело обороны страны — их творческая деятельность, их новые спектакли, те идеи чувства, которые несет театр в массы. Последние постановки наших крупных театров обусловлены потребностями военного времени. «Кремлевские куранты» — МХАТ, «Отечественная война» — МХАТ, «Отечественная война» — в Ленинградском театре им. Пушкина, «Кремлевские куранты» — в театре им. Руставели, «Кремлевские куранты» — в театре им. Кирова, «Кремлевские куранты» — в Ленинградском Малом оперном театре, «Фархад и Лилия» — в театре им. Азизбекова — все спектакли получили широкий отклик советского зрителя. Великая идея — защита родины, отстаивание ее чести и независимости от всяких покушений и злодеяний — объединяют все перечисленные спектакли, определяют их идейное содержание, их выдающийся успех.

Сейчас театры работают над новыми спектаклями, материалом для которых служат новые произведения советских драматургов. За последнее время драматургия стала работать активнее и лучше. Непосредственная, более глубокая связь с жизнью, поездки на фронт, работа в редакциях газет, обогатили драматур-

гов, дали их произведениям то горячее дыхание и напряженность, которые характерны для всей нашей жизни.

Необходимо отметить, что большинство Сталинских премий присуждено актерам за их работу над положительными образами, созданными советской драматургией. Это крупнейший шаг вперед и театра и драматургии, ибо до известного времени разработка положительных образов была слабым местом нашего театра. Однако положительные образы лучше удаются пока на историческом материале. Достаточно вспомнить «Бутузова», «Суворова», образы «Кремлевских курантов», «Надежды Дуровой», «Биквице», «Олего Дундича». К сожалению, образы такой же яркости и силы на материале советской действительности, образы подполковцев, командиров и бойцов Красной Армии еще не созданы. Не отражена в нашей драматургии огромнейшая тема искусства советского тыла и фронта. Мало работают наши драматурги над советской комедией, хотя это один из самых необходимых и популярных в наше время жанров.

Мы отметили несколько наиболее выдающихся спектаклей, которые долго будут жить в репертуаре театров. Однако не всегда понимают театры необходимость повышения качества творческой работы. Кое-где, ссылаясь на военное время, пытаются снизить творческий уровень. Спешка, небрежность в постановках, безответственное отношение к зрителю характерны для некоторых театров. Все равно зритель придет, зачем стараться — вот ленинская, чуждая нашему театру логика некоторых театральных руководителей. Театр в г. Ленинске-Кузнецком собирается дать чуть ли не 30 премьер в течение года, ссылаясь на недостаточное количество зрителей. Можно себе представить, что это за премьеры! Театр не понимает того, что в военное время надо во всех отраслях нашей деятельности повысить требования к качеству. Надо работать так, чтобы в каждый новый спектакль вносить максимум творческой энергии, изобретательности, любви к искусству и к зрителю.

Вот и такие театры, которые думают отсидеться в глубоком тылу и сохранить себя в «военном виде». Вот что пишет группа командиров Красной Армии об украинском Сумском театре, находящемся в г. Бугуруслане:

«Казалось бы, в такие дни надо мобилизовать все силы на обслуживание фронта боевым патристическим репертуаром. Что же мы видим в театре? — «Ой, не ходи, Грицюк», «Бесталанна», «Маруся Богуславка», «Запорожец за Дунаем», «Катерина», «Девичий Шельдоник» и т. д. Это письмо — серьезное предупреждение всем театрам, которые хотят остаться в стороне от событий современности. Только политическая близорукость и непонимание основных задач советского театра можно объяснить отсутствие в репертуаре современных пьес, которые хочется видеть зрителю.

Надо позабиться и о наиболее благоприятных условиях для зрителей. О том же Бугурусланском театре зрители сообщают:

«Театр ежедневно переполнен, но в нем неуютно, грязно и, главное, холодно. Дирекция совершенно не заботится о своем зрителе».

Это — нетерпимое, чуждое для советского театра отношение к зрителю.

Кое-где театры из узко деловых соображений пытаются привлечь зрителя и танцами после спектакля. Потанцевать можно иногда, но причем здесь театральное искусство? Да и являются ли искусство и спектакли, которые сами по себе уже не могут привлечь зрителя и нуждаются в такой «дополнении»?

Поставить хорошо хозяйственную деятельность театра, экономно и разумно расходовать средства — это задача особенно важная в условиях войны. МХАТ, несмотря на все трудности работы на новом месте, работает без отлаганий. Отказавшись от ютания Московский театр Ленинского комсомола. Работают с прибылью Ярославский театр им. Волкова, Казанский Большой драматический театр, Сталинградский, Челябинский, Костромской, Рыбинский и многие другие, и количество таких театров должно расти с каждым днем. А количество таких театров, как Александринский музыкальный театр, находящихся сейчас в Туркмени и составивший свой филиал «с разрывом в 240 тысяч рублей», должно непрерывно уменьшаться. Опыт организованных в некоторых областях театров, не состоящих на государственном бюджете, убедительно говорит о возможности обходиться без государственной помощи любому театру, даже в трудных условиях передвижной жизни.

Театры, которые идут в ногу со всем народом и живут его жизнью, волнуются его мыслями и чувствами, многому научатся за время войны, возмужают и окрепнут. Их творческая деятельность направлена на вооружение народа, она поможет народу окончательно разгромить фашистских захватчиков.

В. В. МАЯКОВСКИЙ. Рис. худ. П. СОКОЛОВА-СКАЛИЯ

Николай БРАУН

Шли балтийцы...

Шли балтийцы, наступали,
Гнали недруга долонь.
Перед ним — чужие дали,
Не найти дорог домой,
Нет пути ему домой.

У ворот лежат, покрыты
Белым саваном-снежком,
Порастерзаны, убиты,
Злобный пулей и штыком!
Пулей, братцы, и штыком!

Всюду немца ждешь могилы,
Скоро ворогу конец,
Что ж один идет унылый,
Приздумался боец,
Что задумался боец?

Посмотрел боец, качнулся,
Понхнулся, отстоял,
Посмотрел и отвернулся,
Отвернулся, помолчал,
Словно каменный, молчал.

Дом родимый за долиной,
До него рукой подать,
А бойцу жену и сына
Захотелось повидать, —
Как бы, братцы, повидать?

А потом промолвил: «Други!
Нет дороги мне назад,
Дайте мне винтовку в руки,
Дайте верный автомат,
Скорострельный автомат.

Вот приходит! он с друзьями —
Вся деревня сожжена,
Все разграблено врагами,
Где же сын мой и жена?
Вот твой сын и вот жена!

Я за кровь малютки-сына,
За любимую жену,
Может, сам от пули сгину,
Только вражью не одну,
Жизнь прикончу не одну!»

УСПЕХ ЗАЙМА

МОСКВА

На 18 апреля сумма подписки среди писателей достигла 379 тыс. руб. Из них, взятых в Москве 338 писателей на заем подписались 310. Н. Вирта подписались на 9 тыс. руб., С. Бородин — на 5 тыс. руб. По 4 тыс. руб. дали взаимное государство Л. Соболев, М. Слободской, Л. Тимофеев, по 3 тыс. руб. — Н. Болганов, К. Крапива, Н. Волков, О. Лигонский, Э. Миндлин. На 2 тыс. руб. каждый подписались Е. Григорьевич, Фридрих Вольф, П. Маркиш, А. Новиков-Прибой, М. Шагинян.

Коллектив филиала Московского театра оперетты подписались на Военный Заем 1942 года на сумму 141,25 тыс. руб., что значительно превышает месячный фонд зарплаты. Г. Ярон подписались на 4 тыс. руб., В. Володин, С. Анциферов, М. Качалов подписались по 3 тыс. руб. каждый, М. Днепров — на 2.300 руб. Двухмесячный заработок дал взаимное государство директор Д. Пекарский, полутрехмесячный — артисты балета И. Москвитин, В. Зернов, З. Гузельман.

В течение одного дня была проведена подписка на Военный Заем 1942 года в первом фронтовом театре Военно-Морского Флота. Подписка значительно превысила месячный фонд зарплаты.

КУЙБИШЕВ

Уже к 3 часам дня 14 апреля подписка на Военный Заем 1942 г. в коллективе Большого театра, находящегося в Куйбышеве, была закончена. На заем подписались все без исключения работники театра. Сумма подписки при месячном фонде зарплаты в 600 тысяч рублей превысила 800 тыс. рублей.

Выпуск нового займа встречен с огромным воодушевлением. Вечером 13 апреля в театре состоялся многолюдный митинг, на котором с речами, призывающими дружно провести подписку и дать взаимное государство как можно больше средств для скорейшего разгрома врага, выступили Ю. Файер, один из старейших работников ГАБТ суфлер Альшугер и другие.

И. С. Колясовский, подписавшийся на 12 тыс. руб., заявил на митинге о своем желании дать, кроме того, специаль-

ный концерт в фонд обороны страны. Этот концерт будет устроен дирекцией театра в ближайшие дни. М. Михайлов подписались на 15 тыс. руб., Мелик-Пашаев — на 12 тыс. руб., Барова, Ю. Файер, М. Рейзен — по 10 тыс. руб., Нордов — 9 тыс. руб., Антонова, Большаков, А. Мессерер — по 7 тыс. руб., О. Ленинская — на 8 тыс. руб., артист оркестра Полоцкий, получающий 1000 руб. в месяц, подписались на 2500 руб. и т. д. Некоторые работники театра при подписке внесли всю сумму наличными.

Успешно проходит подписка на Военный Заем на предприятии искусства Куйбышевца. Из 162 работников драмтеатра им. Горького и первый день подписки подписались 160 чел. Сумма их подписки составляет 111 проц. месячного фонда зарплаты всего театра. Из 162 работников Областного филармонического ансамбля 157 человек, причем сумма подписки также превышает фонд зарплаты.

НОВОСИБИРСК

Митингом после спектакля «Бар-коха» коллектив Белорусского государственного еврейского театра открыл кампанию подписки на заем среди работников искусства и писателей Новосибирска. Вечером 13 апреля коллектив театра подписались на 44 тысячи рублей, что составляет 106 процентов фонда заработной платы. 14 апреля собрания и митинги, посвященные заему, проходили по всем предприятиям искусства города.

На митинге в Ленинградском филармоническом выступил И. Соллертинский, который призвал присутствующих единодушно откликнуться на постановление правительства — подписаться на новый военный заем. Подписка составила 150 проц. фонда зарплаты. Заслуженный артист Казахстана дирижер Шажаковский, музыканты Рода и Васильев подписались на 200 проц., заслуженный артист Мрабинский — на 150 проц.

Успешно прошла подписка на заем среди работников отделения Всесоюзного гастрольно-концертного объединения, Новосибирского Тюза и др. Всего рабочая группа Новосибирска подписались на 525 тысяч рублей. Писатели дали взаимное государство 11.400 рублей.

Главное в нас,
это — наша
Страна советов,
советская воля,
советское знамя,
советское солнце.
(В. Маяковский)

ДРАМА СТЕФАНА ЦВЕЙГА

Конст. ФЕДИН

На чужбине, вдали от порабощенной родины, за океаном, покончил самоубийством Стефан Цвейг. Еще неизвестны обстоятельства самоубийства. Но даже зная их в точности, можно хорошо представить себе душевную драму писателя в последние годы, если вспомнить его литературный и человеческий облик.

Это был, бесспорно, большой писатель свободной Австрии, один из заслуженных современных писателей Европы, автор известной и любимой у мирового читателя. Как рассказчик, он в совершенстве обладал тайной занимательности. Он строил сюжет с молассоновской легкостью, насыщая рассказ великолепными картинами внутренней жизни героев, всегда очень сложной и часто болезненной. Велика его близость к русской литературе и особенно к Достоевскому. Новеллы его останутся для художников примерами мастерства, для читателей — источником наслаждения. В биографическом жанре он создал книги образные и утвердил новейшее европейское искусство исторического повествования в художественной литературе. Я задумал о нем предостережение о книгах и блеске таланта Стефана Цвейга. Я задумал тому читателю, который каким-то чудом еще не слышал о Стефане Цвейге и вдруг прочтет «Амок» или «Письмо незнакомки», или «Марин-Антуанетту». Но какое чувство вызывает у всех нас старая, разорванная, поверженная Европа, не способная и бесчеловечная уберечь даже лучшие таланты от своего порабощателя, который гонит, толкает, предаст их на побойдь!

Я перебрал письма ко мне и открытки Цвейга, вспоминаю каждую новую его книгу, присланную сразу после выхода с милой и быстрой надписью. Какая страсть признания, сколько темперамента, интереса, любви к литературе!

«Идеальным учеником Уот Уитмена и Верхарна» и заявлял, что «в молодости считал оптимизм своей священной обязанностью». Теперь он отвергал оптимизм. Но, даже отвергая его, он «разосматривал Россию» в военном отношении совершенно вне опасности. «Будьте уверены, дорогой Федин, что, несмотря на безразличие интеллигенции, несмотря на ослепление широкими масс, в тот момент, когда будет сделана попытка превратить козлятейственный кризис Европы в войну против России или против какого-нибудь другого государства, у многих из тех, кто теперь еще мечтает, проснется совесть, и не так-то просто удастся безразличествовать господам, как это было в 1914 году, когда (о чем недавно рассказывал в своих мемуарах князь Бюлов) граф Берхтольд, улыбаясь», сообщил, что сербов-то воевать придется!»

Во втором письме Цвейг высказывал почти декларативно. «Откровенно говоря, и совсем не верю в империалистическую войну». Он приводил пять доводов в обоснование этой мысли. Он считал, во-первых, что ни одна европейская страна уже не может быть настолько уверена в своих рабочих, чтобы вести длительную войну. Во-вторых, по его мнению, Россия отражала от войны то сопротивление, что европейские народы гораздо больше ненавидят друг друга, чем своего социального противника. В-третьих, он находил, что никак нельзя было оправдать военное выступление в флагах европейского населения, которому европе десятилетия подряд внушалось, что Россия есть переносная импералистическая катастрофа. «Сами империалистические государства создали себе тяжелую ситуацию непрерывным лаваньем о предстоящем падении России». Следующим доводом Цвейг приводил козлятейственные отношения, которые «ныне настолько отчаянные, что общественность, наконец, снова начинает понимать, какие чудовищные материальные опустошения несет война. И последнее: у всех нас, интеллигентов, наличие более высокой формы решимости, чем в 1914 году. Мы не дали бы себя захватить враждою столь жалкими и безоружными».

С убеждением, что война невозможна, Стефан Цвейг вступал в эпоху, содержанием которой была открытая подготовка войны. Фашизм являлся к власти, чтобы заставить Германию взять реванш и отразить весь мир. С каждым годом очевиднее становилась неизбежность всеобщего кровопролития. И какие глестные разочарования преследовали Цвейга на каждом шагу! Вероятно, он уже видел свои заблуждения, когда, перед приходом к власти Гитлера, писал, что быть слабым в такое время — мука.

Он испытал эту муку. Он оказался в числе европейских, сброшенных с дороги событий и убедившихся, что долгие годы после первой мировой войны были прожиты в иллюзиях. Не в оптимизме Уитмена и Верхарна тут дело. Оптимизм, как вера в человека, в его будущее, оптимизм великого американца и великого бельгийца являются плодом жизненной силы, а не слабости. Такой оптимизм чувствуется в жесте, с каким человек поднимает над своей головой знамя борьбы. Оптимизм — не благодушие. Наоборот, это трезвость, помогающая различать как близкие, так и отдаленные перспективы и ломать их в борьбе.

Письмо это писано весной 1932 года. Летом я получил другое письмо, уже не в Швейцарии, а в Германии. И замечательно, опять повторяется, почти слово в слово, то же восклицание: «Оставайтесь, будьте совсем здоровы! Время слишком важное, чтобы быть больным или уставшим!» Он не отрывался от работы, и осенью прилетела одна из его открыток, брошенных в потовый ящик мимоходом: «Вы еще здесь? Я хочу Вам прислать свою новую книгу!»

Тогда уже бужало разгоравшееся наступление гитлеровцев на германский народ. Через несколько месяцев Гитлер захватил рейхстаг. Толпа человеконедобрых взглядов повора с этого крота, разбежалась с дымными факелами по Германии, и во всех ее городах поднялось к небу пламя, уничтожавшее европейский дух, о котором, наряду со многими писателями, говорил Стефан Цвейг. Его книги были сожжены.

Среди европейской интеллигенции был очень распространен тип человека, уверенного, что испытания войны 1914—1918 гг. раз навсегда образумили человечество и новые военные замыслы обречены самой историей на провал. Эту уверенность европейские оптимисты считали своим оружием. Они надеялись вынуть оружие на войне, если будет нужна. Когда же перед ними возник волосатый призрак гитлеровца и они схватились за красивую рукоять своего меча, они обнаруживали, что война была пусты. Уверенность в безопасности превратилась у этих людей в пассивность перед угрозою войны.

Стефан Цвейг был характером близок к такой интеллигенции. Он был антифашистом по складу мышления, по убеждению, по всему чувству художника. Он был гуманистом в понимании девятнадцатого века и стремился уберечь свой гуманизм в неприкосновенности от века двадцатого. Война, как средство для достижения цели, была противна ему. Он не допускал, что 1914 год повторится. И он дождя до наших дней. И год, когда война подошла к берегам Америки, стал его последним годом, его «Рокосым мгновением».

Далее с ним совершилось то, что стало судьбой передовой интеллигенции всего континента Европы. Цвейг должен был покинуть свой Зальцбург: у ворот любимого города стоял волосатый призрак, подымающийся из соседнего Мюнхена. С покоем беглеца Цвейг стал переходить из одной земли в другую. Волосатый призрак шел за ним. Вскоре фашизм мог торжествовать: возникнул самый злодейский из костров, раздутых Гитлером. «Костер мировой войны». Его зарею преследовало Цвейга, куда бы он ни уходил, — у берегов Малой Азии, на Британских островах, в бесконечно далекой Бразилии. Земной шар превратился в огненную планету.

Где-где мог бы прорвать беглец кольцо смрадного пламени? Куда, куда мог бы привести Цвейга сломанный посох Агасфера?

Воображение противится присоединять к трагической веренице жертв войны имя Стефана Цвейга. Я помню, как звучало это имя в писательской среде у нас и в Европе. Помню, как первым написал мне о нем изумительно чуткий ко всему лаплатному Горький: «Очень рекомендую Вам изданную «Временем» книжку Стефана Цвейга «Смещение чувств» — замечательная вещь! Прочтите. Это писатель растер боатырски и способен дать великопейнейшие вещи».

Цвейг и дал великопейнейшие вещи. Тем более жалко этого художника, этого человека с ног до головы, с его блеском, с его ошибками, с его поучительной драмой.

У меня есть два замечательных письма Цвейга, присланных им еще до прихода к власти гитлеровцев. Одно из них было опубликовано, другое он прислал не для печати, и оно еще лучше, еще откровеннее выразило взгляды писателя на вопрос, которому посвящалась переписка, — вопрос о возможности новой войны.

В первом письме Цвейг называл себя

ТОСКАНИНИ — ШОСТАКОВИЧУ

Валдайский дирижер современности Тосканини, живущий теперь в Нью-Йорке, прислал в ответ на поздравление Д. Шостаковича, в связи с днем рождения дирижера, следующую телеграмму: «С Вашей стороны было очень мило

вспомнить о дне рождения старого музыканта, который Вами бесконечно восхищается и желает для нашего искусства, чтобы Ваш гений шел все дальше и дальше по стопам величайших мастеров. С благодарностью Артуру Тосканини».

МАЯКОВСКИЙ СЕГОДНЯ

Алексей СУРКОВ

ГРОЗНОЕ ОРУЖИЕ

В. ПЕРЦОВ

Двенадцать лет тому назад, подытоживая двадцать лет своей жизни в поэзии, Владимир Маяковский через голову современников прокричал будущему:

Слушайте, товарищи потомки, агитатора, горлана-главаря! Загласу поэзия потомки, а шагну через лирические томики, как живой с живыми говорами...

Прошло двенадцать лет, насыщенных событиями, которых хватило бы на века. Уже подросло первое поколение «товарищей потомков», которым поэт адресовал строки «Во весь голос». И это поколение уже назвало Маяковского своим современником, приняло его стихи.

Двенадцать лет, не умолкая, авенел год-год живо Маяковского по всей стране. В годы народной радости он звенел фанфарным литым серебром поэмы «Хорошо!»

И земной шар чуть не весь обошел, — и жизнь хороша и жить хорошо. В предгрозовые, предвоенные годы голос Маяковского гремел, настораживая сердца сограждан:

НАШИ и склады, и мосты, и дороги, СОБСТВЕННЫМ КРОВНЫМ, СВОИМ дорожа, встаньте в караул, бессонный и строгий, сами своей республике сторожа!

И ныне, в суровые дни великой освободительной войны против немецко-фашистских захватчиков, где-нибудь в смоленском лесу, в паре километров от врага, с импровизированной эстрады звучит, заглушая железный крик пушек, голос Маяковского, словами любви к родине призывающего на подвиг.

Испытанные на резком ветру времени, поэтические строки Маяковского уже обрели бессмертие, не тускнея, не покрываясь окалиной, а с холмом годов наполняясь все новыми и новыми соками жизни, отливая все новыми, ранее не примененными оттенками звучания и смысла.

Эти солнечные знаки бессмертия увенчали титаническую работу поэта-новатора, сравнившего поэзию с лобовой радией и не убоившегося взводить «единого слова ради тысячи тонн словесной руды».

В абсолютной слякотности судьбы поэта с судьбой народа, в беспредельной вере поэта в силу и правду родной страны, в прозорливости сердца, умеющего чувствовать в сумерках постижения будущего, кроются корни, питающие стихи Маяковского соками неуемной свежести и новизны. В сочетании с огромным поэтическим даром эти гражданские и человеческие качества личности поэта и определили то отношение народа к нему, которое выражено в словах товарища Сталина: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи».

Маяковский всегда был для нас меридом оценки работы советских поэтов, наших современников. Сегодня, как никогда в другое время, мы вновь и вновь должны обращаться к творческому опыту Маяковского, к его поэтическому подвигу, желая видеть работу наших поэтов на уровне наших трудных и героических дней.

В дни, когда сама жизнь «к штыку приравняла перо», когда даже камни на дорогах войны кружат о мнении и подвиге, только мертвые сердца могут молчать или плескаться в тепловатой, мутной водичке домашней вневременной лирики.

Вдохновленная примером и подвигом Маяковского, наша поэзия, в лице лучших своих представителей, разговаривает о войнах-современниках голосом твердым и громким, и голос этот не томит в железном таме войны.

Оплодотворенное опытом Маяковского,

творчество лучших наших поэтов, разных по манере и темпераменту, в наиболее значительных из созданных за месяцы войны произведений, перешагивает грань, отделяющую иллюстрацию и историю от того, чем поэзия должна быть, т. е. голоса истории. Именно этим ценны и дороги военные стихи Тихонова, Симонова, Светлова и некоторых других русских поэтов и поэтов братских советских народов.

Желаю следовать Маяковскому, наши поэты (да и все наши литераторы), должны особенно твердо помнить его слова:

У нас поэзия берет: опешет / вчерашний гуд, а надо / врать / в завтра, / вперед, / чтоб брести / трещали / в шаг!

Этой устремленности «в завтра, вперед» часто не ощущается в произведениях многих наших поэтов и прозаиков, в силу чего произведение увидав на другой день после породившего его события.

Особенно большое значение приобретает для советской поэзии опыт Маяковского поэта-агитатора, Маяковского времен «Окна РОСТА».

Нынешняя война естественно вызвала к жизни эту замечательную форму массовой агитации средствами пера и кисти.

Сам Маяковский, вспоминая о работе в «Окнах РОСТА», говорил с гордостью и нежностью:

«Пусть вспоминают лирики стихи, под которые влюблялись. Мы рады вспомнить и строки, под которые Денкины бежали от Орла».

Разве не то же самое в будущем могут про себя сказать те наши советские поэты, слово которых звучало гневом и призывом, когда Гитлер пятился от Москвы, Ростова, Калинин, когда Ленинградцы железной стеной остановили равнявшиеся к берегам Невы полчища фон-Лееба?

Очень хорошо, что опыт Маяковского-агитатора перенят группой наших художников и поэтов, создающих ныне «Окна ТАСС».

Но существенное в опыте Маяковского, к сожалению, не учтено еще многими нашими поэтами.

Наибольшая ценность такой формы агитации, как «Окна РОСТА», заключалась в том, что «Окна» были сугубо злободневны, что в них переплетались элементы агитации и информации. Это определило и стиль и темп работы.

«От нас требовалась машинная быстрота», — писал Маяковский, — «было, телеграфное известие о фронтовой победе через сорок минут — час уже висело на улице красочным плакатом».

В «Окнах ТАСС», как правило, плакатно-сатирический или плакатно-патетический комментарий к событию появлялся в виде:

Крепкий стих, / голочков на сто, / чтоб / не таял стих, / как дым клубный, / чтоб / стихом таким / звенеть и хватать / перед республикой, / перед любимой.

«Кремлевские куряны» в МХАТ СССР им. Горького. Слева направо: А. Грибов в роли В. И. Ленина; Б. Ливанов в роли матроса Рыбакова.

лется в витрине или на стене, не раньше, чем через две недели после события. Недавно, например, появились плакаты об окружении 16-й немецкой армии под Старой Руссой с опозданием... на полтора месяца. Из-за такой медлительности, кричащей противоречивой жанру и характеру «Окна» и характеру нашего докрасного времени, пропадает одно из ценнейших качеств «Окна» — злободневность.

Надо очень серьезно вдуматься в такие слова Маяковского:

«Этого темпа, этой быстроты требовал характер работы, и от этой быстроты вышвырнута весть об опасности или о победе зависело количество новых бойцов».

«Вне телеграфной, пулеметной быстроты этой работы быть не могло. Но мы делали ее не только в полную серьезность наших умений, но и революционно-зировали вкус, подымали квалификацию плакатного искусства, искусства агитации. Если есть вещь, именуемая в рисунке «революционный стиль», — это стиль наших «Окна»».

«Не случайно, что многие из этих работ, рассчитанные на день, прошли Третьяковскую галерею, выставки Берлина и Парижа, стали через десять лет вещами настоящего, так называемого искусства».

Разве можно сказать то же самое о работе в «Окнах ТАСС» таких «стеклянок», как А. Коган, А. Рохович, Манштейн и некоторые другие, без «телеграфной быстроты» лекций невыразительные, не всегда элементарно грамотные «стишки» к иногда хорошо сделанным плакатам. Обидно становится за жанр, везлейный Маяковским, когда, проходя по улице Москвы, читаешь приклеенные к огромному красочному плакату серые стишки Маяковского «Партизанка», которые ни по жанру, ни по качеству не подходят «Окнам», и стелются, что и в стеньгазете бы их не напечатали.

Равняться на опыт Маяковского — поэта трибуны, агитатора, — это значит собрать вокруг «Окна ТАСС» талантливых людей, привить им «маяковский» стиль и темп работы и категорически отвести от такого благородного и нужного дела ремесленников и калтурищиков пера и кисти.

Живой Маяковский сегодня разговаривает с живыми защитниками родины, и слова его западают в миллионы сердец.

На живого Маяковского должны равняться свои усилия и все наши поэты, отвечающие, как это всегда делал Маяковский, за каждое слово полной мерой ответственности перед современниками и перед будущим.

Дайте / крепкий стих, / голочков на сто, / чтоб / не таял стих, / как дым клубный, / чтоб / стихом таким / звенеть и хватать / перед республикой, / перед любимой.

Я знаю силу слов, / я знаю слов набат, / В. Маяковский.

В декабре 1925 г. Маяковский вернулся в Москву из большой зарубежной поездки. Он очень тосковал за границей. В его письмах к близким тревожное чувство — «ужасно хочется в Москву»; «...хочется проглотить провинциализм, но до чего же мне не хочется эмигрировать...» И в стихах та же тоска по родине и — недоумение:

Почему / под иностранными дождями / вымокать мне, / гнить мне / и ржаветь? / Самое сильное впечатление Маяковского от Москвы — доклад товарища Сталина на XIV съезде партии. Гениальный сталинский план индустриализации нашей страны, план укрепления ее оборонной мощи заполняет воображение поэта. В лад точным сталинским формулам складываются образы знаменитого стихотворения «Домой!».

Я себя / советским чувством / заводом, / выработающим счастье. / И дальше: «завод» поэзии должен работать по плану:

Я хочу, / чтоб в дебатах / потел Госплан, / мне давая / задания на год.

Огромные требования Маяковского к поэзии, к самому себе: стать необходимым, завоевать такое место в жизни страны, как рабочий, чтобы об работе стихов от Политбюро... делал доклад Сталину.

Разве не осуществлялась молодая мечта Маяковского в постановлении правительства о Сталинских премиях? А в этом году в условиях войны слова поэта — «Я хочу, чтоб к штыку приравнял перо» — оправдываются в точности. Поэт-воин, писатель-боец — это уже не метафора.

В творчестве Маяковского, в его отношении к поэзии получила свое наиболее глубокое воплощение образ поэта атакующего, поэта-бойца.

Без идеи не может жить поэзия. Маяковский это приходилось доказывать в его сокрушительных спорах с «футуристами», имажинистами, акмеистами, запутавшимися в паутинах рифм. И он требовал от поэта серьезности и в содержании, и в форме стиха, протестуя против недооценки уровня нашего читателя, высроки и поумневшего в опыте войны и революции. Передовой боец советской эпохи на фронте культуры, Маяковский и в своей творческой деятельности, и в своей личности стал воплощением героики советского народа — его победного торжества, его грудовой и боевой страды. Страстное, не знающее полуполов, полное любви и вражды, точное отношение к действительности определяло его позицию на каждом историческом этапе нашей борьбы. Необыкновенно напористый, с очень острым политическим чутьем, с огромным революционным темпераментом, Маяковский был рожден для активной общественной деятельности. Его поэзия — лирическая автобиография борца, строителя социализма. Лирический герой Маяковского — это поэт-гражданин, для которого источник поэтического вдохновения оказывается вся советская действительность с ее праздниками и буднями, с большими и малыми радостями и заботами, «с блестящим чудом и с вонью чернил». От грязя на Мясницкой улице до Генуэзской конференции, от текстов санитарных плакатов о пользе кипяченой воды — до больших героических поэм «Ленин» и «Хорошо!» Маяковский умел охватить народную жизнь в целом и показать нашим людям, за что они борются, за что призывал кривь.

Его патриотизм был совершенно органическим, патриотизм рабочего и воина в поэзии, при помощи поэзии. Гневно высеивал Маяковский тех, кто не понимал военной угрозы, которая не раз нависала над нашей свободной страной. Где бы Маяковский ни находился и о чем бы он ни писал, он работал для войны, на войну, для победы своего отечества. Но он требовал от себя еще большего. И он, написавший столько замечательных оборонных стихотворений, создавший классические произведения о любви к родине, считал себя в долгу перед Красной Армией, «перед всем, про что не успел написать».

Всем своим творчеством, своим образом поэта-бойца Маяковский жил сегодня, Маяковский с нами кует стальную, несокрушимую волю к победе над фашизмом.

Война должна в совершенстве научить свое оружие. Этого постоянно требовал Маяковский от поэтов. «Слово — полководец человеческой силы» — вот пламенный девиз его поэтического мастерства. Маяковский прошел огромный путь поэтического искания. Он познал не только «силу слов, слов набат», но и «магию» слова, то трудно поддающееся учету, но совершенно реальное психологическое воздействие языка поэзии, который одному ему свойственным путем доводит идею до самых таинственных глубин мозга и сердца, загорает чувством, направляет по нему и предопределяет постуки человека. В молодости он выврал:

Творишь, просветленных страданием / словом, / нечеловечья магия!

Огромным трудом, о котором он дал предостережение в своей статье «Как делать стихи», Маяковский исследовал «тысячи тонн словесной руды», ничем не претерпев в еде уловимых, на первый взгляд, но страшно важных для разрешения поэтической задачи особенностей слова, как материала поэзии, не отбросил и магию поэтического языка, а подчинил ее выявлению стиха «весомого, грубого, армого», стиха наступательного, мобилизующего чувства и волю на отпор врагу.

После Октябрьской революции в творчестве Маяковского происходит перелом: поэт решительно обращается к народным жанрам и образам в «Мистерии-Буфф» и «150.000.000», к народной речи в «Окнах сатиры РОСТА», в поучительно-веселых «Красках», адресованных к рабочему красноречивому и крестьянину. Русский язык, обескровленный и обезглавленный в поэтической культуре буржуазного десятилетия, вновь воспрянул в его поэзии. И сам Маяковский признавал:

Я обкармливал / Я обкармливался деликатесами / досыта.

Ныне / мозг мой чист, / язык мой гол, / Я говорю просто — / фразами учебника Марго.

Всякий, кто имел случай наблюдать, с каким восторгом наша массовая аудитория узнает свое, родное в метком, богатом разговорными отгетками, заборном и умном просторечии Маяковского, не может не сказать себе: какой русский поэт — лучший поэт нашей эпохи!

«Ищем речи точной и нагой», — говорил Маяковский, обращаясь к Пушкинскому. И невольно вспоминается, пушкинское: «Прельстись нагой простоты так еще для нас непонятно, что даже в прозе мы говоримся за объективными украшениями, поэзию же, освобожденную от условий украшения стихотворства, мы еще не понимаем».

Маяковский возвращал поэтическому языку силу и свежесть языка жизни. Он приближал новый русский стих к народным сказочным истокам. Языковое новаторство Маяковского почвено — оно в кровном родстве с фольклором, своими корнями оно уходит в историческую толщу русского языка. Многие ошеломляющие оригинальные его метафоры представляли лишь переделку пословиц и поговорок.

С исключительной силой советского патриотизма утвердил Маяковский в своей поэзии величие русского языка, сплавляющего все народы СССР в братские связи и единство. Он был русским человеком, родившимся и прошедшим юные годы своей жизни на Кавказе, в кипящем национально-освободительной борьбой и восторгом русского самодержавия. И он вывел из забвения в 1905 году в Кавказе Кутанси Маяковский, прекравший влиятельный грузинский язык, читавший грузинский революционный стихотворец поэта Эвлошвили:

Товарищи, идите вперед, вперед, / Да не дрогнут ваши сердца, / Хотя на груди появится кровавое пятно, / А на лбу — ручьи пота.

Любовь к своему, родному никогда не заслоняла от Маяковского ценности его родного языка. Он обращался к языку всего нашего многонационального государства:

Да будь я / и негром преломленных годов, / и то / без унынья и лени / я русский бы выучил / только за то, / что им / разговаривал Ленин.

Во славу советской родины окрепли дни войны боевая дружба поэтов разных народов. Николай Тихонов, С. Маршак, М. Рыльский, Леонид Панаминский, Самел Вурган, К. Симонов, Алексей Сурков, Джабул А. Малишвили, М. Тавадзе и другие и другие имен, которые война дала и новый источник вдохновения, и новый блеск писательского мастерства.

При всем разнообразии художественных индивидуальностей и поэтических функций поэты-бойцы утверждают своим творчеством: мы с Маяковским!

Маяковский постоянно, настойчиво говорил о своей поэзии, как об оружии. Это казалось поэтическим сравнением. Но называя поэзию и стих «боевой и знаменем», странным своим книг — войсками и даже различая роды войск — «кавалерия острог». Все это было не только блестящим сравнением. Он не просто утверждал слово оружие, физический смысл которого в своей поэзии физически силы слова.

И потому, когда мы думаем о тех, на чью лад нехватает в нашей грозной истории Москвы, с особым чувством вспоминаем Маяковского. Как любил этот город! Москва и Маяковский были как созданными друг для друга, — каким восторгом принял бы чудесный вид род, отражавший арга на подступах к Москве, заблатное слово своего поэта!

В поэме «Хорошо!» Маяковский клятву от лица всего народа: / Мы будем работать, / все стерпя, / чтоб жизни, / колеса дней торопя, / бежала / в железном марше... / Мы повторим сегодня эту клятву Маяковского.

Нам предстоит битва, таких не знала история. Маяковский — знамя поэзии нашей советской эпохи. Оно вручено нам Сталиным. Будем же достойны своего имени, будем работать честно и неутомимо, чтобы приблизить час нашей победы.

Иосиф УТКИН

ФРОНТОВЫЕ СТИХИ

Я ВИДЕЛ САМ!

УЗБЕКСКАЯ ПЕСНЯ

Я видел сам... Но нет, не верю, / Не верю собственным глазам, / Чтоб то, что я увидел сам, / Свершилось людям, а не зверям! / Не верю, нет! Но тыше, тише... / Я видел сам... Я видел их — / Невинных, мертвых и нагих, / Штыками прокнутых детисек! / И, как слепой, руками шара, / Не веря собственным глазам — / Их матерей в костре пожара, / Товарищи, я видел сам! / Тяжелый сон? Ну нет, сна ли, / Приснятся нам такие сны! / ...Пилотки сны, потресанные, / Безмялмо мы вокруг стояли, / Боевые мы застыли на месте... / И, как взлетали к небесам / Слова о беспамятной мести, / Товарищи, я слышал сам!

Сел узбек на коня, / Натянул уздечку: / — Не забудь про меня — / Простит он узбежку. / Привстан на коню, / Приподнялся выше: / — Ты еще обо мне, / Услышишь! Услышишь! / Мысли сокол степной, / Рубит слева направо, / И кружит за спиной / У героя слава. / Звонко слава звучит, / Сердобом уздечки / Гремоб сердце стучит / Под рукой уздечки. / Поблудела она, / Радость грудь колыхнет: / — Слышу, слышу, слышу... / Слышу, милый, слышу!

Из воспоминаний об Ильфе

К 5-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ

Мы вместе поднимались в лифте. Ильф жил на четвертом этаже, а — на пятом, как раз над ним. Мы прощались и говорили:

— Так завтра в десять? / — Давайте лучше в одиннадцать. / — Я к вам или вы ко мне? / — Давайте лучше вы ко мне. / — Так значит в одиннадцать. / — Покойной ночи, Жена. / — До завтра, Ильша.

Железная дверь лифта тяжело, с дрожанием закрывалась, трясла металлическая сетка. Я слышал, как Ильф вынул из своей двери. Лифт со скрипом поднимался еще на один этаж. Я выходил на площадку и слышал, как внизу хлопала дверь.

Так было почти каждый день, потому что писатель должен писать, и мы с Ильфом встречались каждый день и писали. Я вспоминаю, что вначале, когда мы стали писать вместе, мы не только сочиняли каждое слово, сидя рядом или друг против друга за столом (это было вроде двух планшето, исполняющих вместе на двух роялях), но писали писем даже деловые письма и вместе ходили по редакциям и издательствам.

Привычка думать и писать вместе была так велика, что, приступая к сочинению нашей последней книги — «Одноэтажной Америки», которую мы писали порознь, по главам, мы очень мучились. Ильф был уже болен в то время, и мы жили летом 36-го года в совершенно противоположных дачных районах. Мы составили план и, так сказать, два затравки вместе написали первую главу. Потом разехались по домам, распределив, кто какую главу будет писать. Мы решили встретиться через месяц с громадными рукописями.

Помню, что я присел за пустым листом бумаги целый день, в целую ночь, и потом опять целый день — и не мог со-

чинить ни строчки. Все мешало мне: и собачий лай, и гармоника, и радио на соседней даче, и даже ворона, устроившая базар на высоких алях.

В отчаянии я поехал к Ильфу, в Красково, где он сяд на лето маленький домик. Там была песчаная почва и сосны, и считалось, что это подходящее место для больного туберкулезом.

Ильф очень мне обрадовался, даже как-то неестественно бурно обрадовался. Мы сразу же, как заговорщики, ушли в сад. Меня он усадил в гамак, а сам сел рядом, на скамеечку.

— Знаете, Жена, — сказал он, — у меня ничто не получается.

Он снял свое маленькое голое пенсне с толстыми, толстыми с минией стеклами, протер глаза влажными пальцами, снова надел пенсне и посмотрел на меня, как встретивший.

Я сказал, что приехал к нему с такой же печальной новостью. Мы даже не рассмеялись. Дело было слишком серьезное. Мы долго думали и, наконец, решили, что нас обоих устранили от задачи и что нам следует написать всего лишь по одной главе, и тогда я приеду к нему, мы выправим рукописи, подробно обсудим следующие две главы, снова встретимся, и так далее, пока не кончим книгу. Мы решили писать смело, ведь все равно потом мы вместе будем править.

Я очень полюбился, когда через три дня ехал к Ильфу со своей первой в жизни самостоятельно написанной главой. Никогда я так не боялся критики, как тогда. Сначала Ильф показал мне свою главу. Пока я читал ее, он не заглядывал мне через плечо, то прохаживался по террасе, тяжело дыша. Видно, он испытывал то же чувство, что и я.

Я читал и не верил своим глазам. Глава Ильфа была написана так, как будто мы написали ее вместе. Ильф давно уже

принудил меня к суровой критике и боялся и в то же время жалел моего мнения, так же, как я жалел и боялся его суховатых, иногда злых, но совершенно точных и честных слов. Мне очень понравилась то, что он написал. Я не хотел бы ничего убавить или прибавить к написанному.

«Значит, выходит, — с ужасом думал я, — что все, что мы написали до сих пор вместе, сочинил Ильф, а я, очевидно, был лишь техническим помощником».

— Мне нравится, — сказал я, — по моему, ничего не надо изменять.

— Вы думаете? — спросил он, не скрывая радости. — Когда я работал, мне все время казалось, что я пишу какую-то чепуху.

Я вынул из бокового кармана свою главу и тот же бодро сказал: «Теперь противе тот бред» или что-нибудь в таком же роде; но не смог произнести ни слова. Я молча протянул ему рукописи. Я всегда волнуясь, когда чужой глаз впервые глядит на мою страну. Но никогда, ни до, ни после, я не испытывал такого волнения, как тогда. Потому что то был не чужой глаз. И то был все-таки мой глаз. Вероятно, подобное чувство переживает человек, когда в тяжелой для себя минуту обращается к своей совести.

Ильф долго, внимательно читал мои рукописи. Потом сказал:

— Мне нравится. По моему, хорошо. Как быстро разрешилось то, что нас мучило! Оказалось, что за десять лет работы вместе у нас выработался единый стиль. А стиль нельзя создать искусственно, потому что стиль — это литературное выражение пишущего человека со всеми его духовными и даже физическими особенностями. На мой взгляд, стиль — это то, что не поддается даже анализу (во всяком случае, уже после смерти Ильфа один чрезвычайно умный, острый и знающий критик проанализировал нашу «Одноэтажную Америку» в твердом убеждении, что он легко определил, кто какую главу написал; но не смог правильно определить ни одной главы). Очевидно, стиль, который выработался у нас с Ильфом, был выражением духовных и физических особенностей нас обоих. Очевидно, когда писал Ильф отдельно от меня или я отдельно от Ильфа, мы выражали не только каждый себя, но и обоих вместе.

его бедности. Он был весь в поту и дышал тяжело и хрипло.

— Не нужно, — сказал я, — хватить.

— Нет, — ответил он с удивительным мейн упрямством, — я должен обязательно до конца.

Он все-таки дорвался бумагу. Он был все так же бледен, но улыбка.

— Теперь давайте работать. Только я минутку отдохну.

Он отклонился на спинку стула и под сидел так молча минут пять.

Потом мы стали писать импробитический рассказ о начальнике учреждения, ужасном бюрократе, который решил испробовать, стать демократичным и тиетно завывал посетителям в свой кабинет. Писать не хотелось. Писали, как говорится, голый техник. И мы дописали до половины.

— Докончим завтра, — сказал Ильф. Вечером мы возвращались домой после какого-то заседания. Мы молча поднимались в лифте и распрощались на площадке четвертого этажа.

— Завтра, завтра в одиннадцать, — сказал Ильф.

Тяжелая дверь лифта закрылась. Я услышал звонок — последний звонок, выданный рукой Ильфа. Выходя на своем этаже, я услышал, как захлопнулась дверь. В последний раз захлопнулась дверь за живым Ильфом.

уже никто ни о чем не спрашивал, да сам он не задавал вопросов. Наверно, он чувствовал себя неловко, как гость, который пришел не во время.

И вот наступил конец. Ильф лежал в своей тахте, вытянув руки по швам, с закрытыми глазами и очень сплюснутым лицом, которое вдруг в одну минуту стало белым. Комната была ярко освещена. Был полдень, вечер. Окно было широко раскрыто, и по комнате свободно гулял холодный апрельский ветер, шевелявший листья нарезанной Ильфом бумаги. За окном было темно и асгодно.

Это случилось пять лет назад. Об этом последнем своем предде Ильф написал в записной книжке: «Люблю красноречиво весту».

Пять лет — очень короткий срок для истории. Но события, которые произошли за эти пять лет, хватило бы ученому, чтобы написать историю века.

Я всегда думаю, что сказал бы Ильф об этих событиях, если бы был их свидетелем. Что он сказал бы и что делал те пять, во время отечественной войны? Конечно, он делал бы то, что делаем мы, советские люди, — жил бы для войны и победы и жил бы только войной и победой.

Это был настоящий советский человек, а следовательно, патриот своей родины. Когда я думаю о сущности советского человека, т. е. человека совершенно новой формации, я всегда вспоминаю Ильфа, и мне всегда хочется быть таким, каким был Ильф. Он был принципиально до шепетильности, всегда открыто говорил то, что думает, никогда не хвастал, лукаво и свирепо не выискивал все вышло из-за угла, и подкашивал (и особенно в литературной подкашивал). Он прекращал зналу цену любой славы и боялся ее. Потому что он никогда не занимался так называемым устройством литературных дел, не просил и не желал никаких литературных привилегий. Это ему принадлежало выражение — «Полночь советскому властью — этого мало. Надо, чтобы советская власть тебя полюбила». И он смеялся и гордо звал на себя тяжелый и часто неблагодарный труд сатирика, расчищая путь к нашему светлону и блестящему коммунистическому будущему, труд человека, во выражении Маяковского, вызывающего «заюткины лавки шершавым языком плаката».

МАРЕЦКАЯ

М. Д. МИХАЙЛОВ.

Н. А. ПЫРЬЕВ.

З. А. ФЕДОРОВА.

Т. Н. ХРЕННИКОВ.

И. В. ИЛЬИНСКИЙ.

Веря Петровне Марецкой принадлежит много замечательных спенических портретов...

Стрм той Любови Яровой, которую по-казывала Марецкая...

П. МАРКОВ НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО

Владимир Иванович Немирович-Данченко получил выдающуюся награду — Сталинскую премию...

ЛЕНИНГРАДСКИЙ КОМСОМОЛЕЦ

Работники Ленфильма звали Михаила Розенберга запряжкой Миншей и любили его...

Вл. БЕЛЯЕВ

Не колорит влечет меня, Не краски я стремлюсь подметить, А то, что в этих ярких светах: Любовь и радость бытия.

Он получил премию за постановку пьесы о Ленине, за спектакль, звучание которого в наши дни сильно и значительно...

Эта хорошая, боевая лента подсакала многим и многим девушкам и женщинам нашей страны...

Какая комедийность! Не было в этой Машеньке, а между тем источник светлой жизнелюбности был в ней ключом.

Ал. ЗОТОВ ЛАУРЕАТЫ-СКУЛЬПТОРЫ

Колоссальная фигура С. М. Кирова установлена на возвышенности у берега моря и видна отовсюду в Баку...

Дом Правительства Армянской ССР в Ереване, построенный по проекту арх. А. Таманяна.

К. ФИНН ГОРЯЧЕЕ СЕРДЦЕ

Это очень талантливый человек, его произведения доходят до сердца читателя, артиста...

Д. АРКИН ТАМАНЯН

Сталинской премией по архитектуре за 1941 год удостоен один из самых выдающихся архитекторов нашей страны — покойный академик А. И. Таманян...

Д. Аркин Таманян — человек после тех академических стилизаций, мастерами выполненных, но холодных, которыми была отдалена первая половина его деятельности...

Таманян широко применял в своих постройках армянский туф, замечательный материал, одновременно конструктивный и облицовочный...

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ФИЛАРМОНИЯ В НОВОСИБИРСКЕ

Ленинградская орденносная филармония сыграла немалую роль в истории развития советской симфонической культуры. Оркестр ее — заслуженный коллектив республикан — один из старейших и лучших в стране. В его составе есть музыканты, которые являются живым олицетворением замечательных традиций русской музыки. В репертуаре оркестра — буквально все последние мировые музыкальные произведения XX столетия. Исключительна велика роль оркестра в деле пропаганды советского симфонизма: он первым интерпретировал многие сочинения Шостаковича, Малевича, Шербаева и др. На его исполнении мастерами учились целые поколения советских инструменталистов и дирижеров.

В составе коллективов Ленинградской филармонии — первоклассный квартет ансамбль, квартет им. Глазунова. Роль этого ансамбля в деле развития советской камерно-концертной жизни без преувеличения может быть названа огромной.

На сезон 1941/42 г. Ленинградская филармония была переведена в Новосибирск. До прибытия Ленинградской филармонии здесь не было постоянной концертной симфонической жизни. Отдельные вечера утверждали даже, что симфоническая культура у нас не привьется, покажется «слишком чуждой».

Действительность опровергла все эти сомнения. Ленинградская филармония быстро завоевала любовь новосибирских слушателей. Симфонические концерты, где звучат бессмертные творения Глинка, Чайковского, Бородина, Мюссоргского, Моцарта, Бетховена, Шуберта, собирают переполненный зал.

Особым успехом у слушателей пользуются произведения героические: «Иван Сусанин» Глинки (показанный в фрагментах), Богатырская симфония и фрагменты из «Князя Игоря» Бородина, «Эгмонт» Бетховена. Слушатели восторженно приветствовали страстную музыку величайшего русского симфониста, вдохновенного певца своей родины П. И. Чайковского.

Живой отклик встретили концерты на произведениях славянских композиторов, особенно Сметаны. Иногда в программах

концертов появляются и редко исполняемые произведения русских композиторов, воскресающие яркие страницы героического прошлого нашего народа (например, увертюра «Дмитрий Донской» Рубинштейна). Дважды прозвучала 21-я симфония Мясковского. Привлекает внимание произведения Шербаева, Спендиарова, Ганера, Палиашвили, Имполитова-Иванова. Тепло была встречена посвященная памяти С. М. Кирова симфония В. Мурадели.

Слушатели полюбила Шостаковича. В Новосибирске прошли его 5-я и 6-я симфонии, неоднократно исполнялись фортепьянный концерт, Сеттернемом у нас ждут также исполнения новой, 7-й симфонии Шостаковича.

Оркестр филармонии работает с огромным энтузиазмом, так же, как и главный дирижер ее Е. Мравинский. С замечательным подъемом провел Мравинский Героическую симфонию Бетховена, Патетическую симфонию Чайковского, 5-ю и 6-ю симфонии Шостаковича и другие оркестровые партитуры. Второй постоянный дирижер филармонии, талантливый молодой музыкант Курт Зандерлинг, также дал ряд удачных программ.

Оркестр филармонии — постоянный гость в Доме Красной Армии и в частях СибВО. Бригады артистов филармонии обслуживают расположенные в области предприятия, выезжают в Алтайский край и Омскую, вдоль и поперек изъездили Кузбасс.

По прекрасной ленинградской традиции филармония ведет большую культурно-массовую работу. Устраиваются конференции слушателей. Интереснейшее начинание — лекторий по вопросам искусства, где читают лекции проф. И. Соллертинский, искусствоведы А. Замолоткин, Н. Моргунов, музыковед Ю. Вайнкоп и другие. Фильмальная лектория открывается в рабочих районах и воинских частях.

Роль Ленинградской филармонии в художественной жизни города исключительно велика. Благодаря ей Новосибирск становится музыкальным центром Сибири.

А. ЗЫМАН,
секретарь Новосибирского обкома ВКП(б).

СЕРБСКАЯ ПАРТИЗАНКА

(ИЗ СЛЯВЯНСКОЙ СЮИТЫ ДЛЯ ХОРА А. САРЕЛЛА).

Народная песня в переводе Н. БЕЛИНОВИЧ. Муз. В. БЕЛОГО.

Занялась заря-зарница,
Наступило время рассвета,
Час пришел, ты уходишь в чету,
Мой Стоян, мой жених любимый,
Твоего коня оседлала,
Саблю тонкую заточила,
Я не плакала, не голосила,
Провожая на битву Стояна.

Я отрезала черные косы,
Я отбросила женское платье,
Буду храбро с врагами биться,
Как прабрава моя — Иринка.
Ок, Иринка, прабрава,
Ты в горах, ты в долине отряды,
Когда войско Наполеона
К нам вломилось жадной громадой.

Да, не в первый раз серблянка
По-мужски берет ятаганы,
Я, как четник, буду рубиться
В партизанском отряде Стояна.
Пробил час борьбы с фашизмом,
Пробил час и гнева и мести.
Мой Стоян, мой жених любимый,
Мы на битву помчимся вместе.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

А когда врага-людоеда
Мы из родины нашей прогоним,
Мы вернемся под мирную кровлю
И вдов поведем по пашне,
И двора мы в огач подберем,
И спом любимые песни,
О славянской гордой отчизне,
О несломленной нашей четине.

КНИГИ ПИСАТЕЛЕЙ-ЛАУРЕАТОВ

В ближайшее время советские читатели получат ряд новых книг писателей-лауреатов Сталинской премии 1941 года. Илья Эрэнбург одал в Гослитиздат все три части романа «Падение Парижа». 3-я, заключительная часть произведения будет опубликована во 2-й книге журнала «Экран» за 1942 год. Кроме того, роман полностью выйдет в издании «Роман-газета». Издательство намеревается выпустить роман также отдельной книгой в хорошем оформлении.

Кроме «Падения Парижа», Гослитиздат выпускает сборник избранных статей и фельетонов И. Эрэнбурга о великой отечественной войне. Сборник (объем 15 п. д.) состоит из разделов: «Немцы», «Союзники», «Героический народ».

Новая книга Эрэнбурга выходит в издательстве «Советский писатель». Это — сборник статей, фельетонов и памфлетов, опубликованных писателем за 8 месяцев войны в различных периодических изданиях. Книга называется «Вперед!». В начале ее печатаются фельетоны «Кликуш», «Василиск», в которых Эрэнбург рисует мрачную картину жизни гитлеровской Германии и воссоздает отвратительный облик фашистского людоеда. Далее следуют статьи: «Выстоять!», «Испытание», «Солдатоворот», «Чудо», написанные Эрэнбургом во время героических боев с фашистами на подступах к Москве и в первые дни наступления Красной Армии.

Блестящим победом доблестной Красной Армии, неуложимо продолжающей свой путь на запад, посвящена и статья «Вперед!», заключающая книгу.

Роман «Чингис-Хан» В. Яна является первой частью трилогии из истории монголо-татарского государства XIII-XIV веков. Вторая часть трилогии — роман о Батые — посвящена нашествию татарских орд на Россию. В ближайших дни это произведение выйдет в серии «Исторические романы».

В редакционном портфеле Гослитиздата находится также роман В. Яна об Александре Македонском.

Издательство «Советский писатель» подготовило к печати книгу стихов Николая

Тихонова «Огненный год». В книгу вошли поэмы о Кирове, о 28 гвардейцах и лучшие стихи поэта о героическом Ленинграде.

Сборник стихотворений и прозы Н. Тихонова и книги его ленинградских расколов выпускает Гослитиздат.

На днях Гослитиздат выпустил полутораметровый трагедийно-биографический очерк С. Бородина «Дмитрий Донской». Очерк вышел в серии «Наши великие предки», в художественном оформлении которой участвует П. Соколов-Скаля; художник выполнил для книги С. Бородина многокрасочный портрет Дмитрия Донского. В этой же серии выйдет и брошюра С. Бородина о жизни и деятельности Александра Невского.

Сейчас писатель работает над небольшой книгой о К. Минине и Д. Пожарском, которая будет издана в серии Гослитиздата «Великие русские патриоты».

Роман С. Бородина «Дмитрий Донской» выходит в Гослитиздате 60-тысячным тиражом.

Книгу стихотворных текстов С. Маршак к спектаклю «Она Тасс» и газетным карикатурам наметил издать Гослитиздат.

Две книги С. Маршак выходят в Детгизе. Для дошкольников издается книга «Живые буквы», а для детей младшего возраста — сборник песен, сказок и загадок.

Издательство «Советский писатель» переиздал «Английские баллады и песни» С. Маршак. Книга включает переводы Роберта Бернса, Роберта Стювенсона, Редьярда Киплинга, несколько народных баллад и народные детские песни.

«На Южном фронте» — так начинается стихотворение С. Михалкова, давшее название новой книге поэта.

Книга «На Южном фронте» выпускается издательством «Советский писатель». Она содержит военные стихи и поэмы С. Михалкова и является своего рода поэтическим дневником, воссоздающим в ярких и живых образах и красках героизм, бесстрашие и мужество нашей армии.

Издательство «Советский писатель» подготовило к печати книгу стихов Николая

Тихонова «Огненный год». В книгу вошли поэмы о Кирове, о 28 гвардейцах и лучшие стихи поэта о героическом Ленинграде.

Сборник стихотворений и прозы Н. Тихонова и книги его ленинградских расколов выпускает Гослитиздат.

На днях Гослитиздат выпустил полутораметровый трагедийно-биографический очерк С. Бородина «Дмитрий Донской». Очерк вышел в серии «Наши великие предки», в художественном оформлении которой участвует П. Соколов-Скаля; художник выполнил для книги С. Бородина многокрасочный портрет Дмитрия Донского. В этой же серии выйдет и брошюра С. Бородина о жизни и деятельности Александра Невского.

Сейчас писатель работает над небольшой книгой о К. Минине и Д. Пожарском, которая будет издана в серии Гослитиздата «Великие русские патриоты».

Роман С. Бородина «Дмитрий Донской» выходит в Гослитиздате 60-тысячным тиражом.

СОВЕТСКИЙ ТЕАТР В ДНИ ВОЙНЫ

К годовщине великой отечественной войны Всесоюзное театральное общество и Центральный театральный музей им. Вахрушина готовят большую выставку «Советский театр в дни войны». На выставке будут показаны новые формы театральной работы, возникшие с начала войны, — спектакли в стационарах в прифронтовой полосе, выступления бригад на передовых позициях, литературно-музыкальные вечера в землянках и блиндажах, концерты в госпиталях, на агитпунктах, помощь красноармейской художественной самодеятельности, новый репертуар, создающийся непосредственно в боевой обстановке, и т. д.

ИЗДАНИЕ СЕДЬМОЙ СИМФОНИИ

Со всех концов страны в Комитет по делам искусств, Всесоюзный радиокомитет и Музгиз приходят письма с просьбой выслать нотный материал седьмой симфонии Д. Шостаковича. В Новосибирске седьмую симфонию будет исполнять оркестр Ленинградской государственной филармонии под управлением Е. Мравинского, во Фрунзе — Государственный симфонический оркестр Союза ССР под управлением Н. Рахлина, в Свердловске — Объединенный симфонический оркестр филармонии и Театра оперы и балета под управлением А. Маргуляна. Готовятся к исполнению симфонии и другие музыкальные коллективы.

В конце апреля два полных комплекта нотного материала седьмой симфонии (партитура и голоса) будут высланы в Новосибирск и Фрунзе. Комплекты нотного материала симфонии готовятся также для Свердловска, Еревана и других городов.

Музгиз начал подготовку к изданию нот симфонии.

МОСКОВСКАЯ ХРОНИКА

Десятый пленум правления Союза советских архитекторов СССР открывается 20 апреля в Доме архитектора. Пленум посвящен задачам архитекторов в дни великой отечественной войны. О докладах выступит ответственный секретарь Союза архитекторов К. С. Алабян. К пленуму организованная выставка.

Музей изобразительных искусств им. Пушкина готовит выставку «Фронтовой юмор», которая покажет плакаты, карикатуры, сатирические рисунки, созданные художниками, работающими во фронтовых журналах и газетах.

Открытие 23 февраля в зале Всесоюзной выставки акварей панорама «Оборона Парижская» художников Н. Котова, П. Покаржевского, П. Добрынина и В. Вальдмана. Биюры по решению Комитета по делам искусств при СНК СССР переводятся в Сталинград.

По предложению Главного санитарного управления РККА военная комиссия Союза советских писателей СССР организовала бригаду писателей для создания произведений, освещающих санитарную работу в Красной Армии. В бригаду вошли — С. Бородин, Д. Сейдулганов, П. Маркин, П. Селов, А. Плещинский, Г. Авахи, М. Никитин. Намечены и уже распределены среди писателей темы будущих книг.

Ежегодная конференция, посвященная творчеству Шекспира, открывается 21 апреля во Всесоюзном театральном обществе. Доклад о борьбе с гуманизмом в творчестве Шекспира сделает проф. М. Морозов. На конференции выступят с докладами: А. Штейн — «Юмор английского народа в произведениях Шекспира», Г. Рогозов — «Шекспир и война» и засл. деятель искусств С. Радлов — «Реквием в честь Елизаветинской эпохи».

Сессия, посвященная вопросам библиотечной и библиографической работы во время великой отечественной войны, пройдет в Ленинграде 24 апреля в Ленинском Доме культуры. На сессии подведены итоги работы библиотек за 9 месяцев войны — агитационно-массовая работа в прифронтовой полосе и в тылу, работы библиотек в госпиталях, метро и обсуждение мероприятий по восстановлению библиотек, разрушенных немцами оккупантами.

АКЫН-АГИТАТОР

100 тысяч рублей деньгами и облигациями государственных займов, 8 баранов, 5 голов крупного рогатого скота, 2,5 тонны зерна, много зимней одежды и обуви — таковы итоги сбора в фонд обороны страны, проведенного заслуженным деятелем искусства Казахской ССР 82-летним акыном-орденносцем Нурпеисом Байганиным во время его поездки по районам Актобинской области.

С песнями о подвигах доблестной Красной Армии, о чудесах Мужества и героизма, проявленных советскими летчиками, танкистами, артиллеристами, presta-режьи акыно-орденносцем выступил перед шахтерами Берчугоя, нефтяниками Шурбар-Кудука и Джаксыяма.

Союз советских писателей СССР получил письмо от м-ра Стэнли Уильямс, почетного секретаря Западно-австралийской секции Ассоциации австралийских писателей.

М-р Стэнли Уильямс пишет: «Комитет нашей ассоциации поручил мне передать членам Вашего союза наши поздравления и искреннее восхищение великодушным отпором, который фашизм встретил повсюду в Вашей огромной стране. С тех пор как до нас начали доходить вести, сперва о Вашем стойком сопротивлении, а теперь о победах, наша

печать и радио стали обстоятельно знакомить население Австралии с жизнью советской России.

Один из членов нашей ассоциации в настоящее время проводит ряд митингов в Западной Австралии, агитируя за оказание медицинской помощи России. Я говорю о Катарине С. Причард.

Нам кажется, что писатели всех стран должны лучше знать, за что борются их товарищи, должны стать ближе друг к другу, как никогда раньше...»

К письму приложена опубликованная в газете «Прогресс», органе рабочей партии Нового Южного Уэльса, заметка о медицинской помощи СССР. В заметке говорится, что к двадцатому числу декабря было собрано 1763 фунта стерлингов.

В ответ на это письмо Союз советских писателей отправил телеграмму: «Советские писатели благодарят писателей Западной Австралии за выраженные в Вашем письме чувства боевой братской солидарности в борьбе против гитлеризма. Спасибо за усилия по оказанию медицинской помощи и правдивую информацию о нашей стране. Присылайте нам Ваши новые статьи, книги и журналы, которые помогут нам лучше узнать Вашу далекую по расстоянию, но братски близкую нам страну».

Студенты старшего курса операторского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии из являли желание делать свои дипломные работы на материале, заснятом непосредственно в Действующей армии, на фронте отечественной войны.

Почетное право работать в группах фронтовых кинооператоров предоставлено пяти студентам-отличникам, членам творческой мастерской засл. деятеля искусств Э. Тлюса: И. Аронсу, Ю. Мотгалыскому, В. Муромцову, И. Гутману и Н. Номифилову.

Новые оперы и симфонии
В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

ПИСЬМА ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Союз советских писателей СССР получил письмо от м-ра Стэнли Уильямс, почетного секретаря Западно-австралийской секции Ассоциации австралийских писателей.

М-р Стэнли Уильямс пишет: «Комитет нашей ассоциации поручил мне передать членам Вашего союза наши поздравления и искреннее восхищение великодушным отпором, который фашизм встретил повсюду в Вашей огромной стране. С тех пор как до нас начали доходить вести, сперва о Вашем стойком сопротивлении, а теперь о победах, наша

печать и радио стали обстоятельно знакомить население Австралии с жизнью советской России.

Один из членов нашей ассоциации в настоящее время проводит ряд митингов в Западной Австралии, агитируя за оказание медицинской помощи России. Я говорю о Катарине С. Причард.

Нам кажется, что писатели всех стран должны лучше знать, за что борются их товарищи, должны стать ближе друг к другу, как никогда раньше...»

К письму приложена опубликованная в газете «Прогресс», органе рабочей партии Нового Южного Уэльса, заметка о медицинской помощи СССР. В заметке говорится, что к двадцатому числу декабря было собрано 1763 фунта стерлингов.

В ответ на это письмо Союз советских писателей отправил телеграмму: «Советские писатели благодарят писателей Западной Австралии за выраженные в Вашем письме чувства боевой братской солидарности в борьбе против гитлеризма. Спасибо за усилия по оказанию медицинской помощи и правдивую информацию о нашей стране. Присылайте нам Ваши новые статьи, книги и журналы, которые помогут нам лучше узнать Вашу далекую по расстоянию, но братски близкую нам страну».

Студенты старшего курса операторского факультета Всесоюзного государственного института кинематографии из являли желание делать свои дипломные работы на материале, заснятом непосредственно в Действующей армии, на фронте отечественной войны.

Почетное право работать в группах фронтовых кинооператоров предоставлено пяти студентам-отличникам, членам творческой мастерской засл. деятеля искусств Э. Тлюса: И. Аронсу, Ю. Мотгалыскому, В. Муромцову, И. Гутману и Н. Номифилову.

Новые оперы и симфонии
В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

В КОМИТЕТЕ ПО ДЕЛАМ ИСКУССТВ

Комитет по делам искусств при СНК СССР созывает в начале мая театральное совещание. С докладом о новых пьесах и спектаклях, посвященных великой отечественной войне советского народа, выступит председатель Комитета по делам искусств тов. М. В. Храневич. Доклад о подготовке театров к 25-летию Октябрьской социалистической революции сделает заместитель председателя Комитета по делам искусств тов. А. В. Солодовников.

Искусство фронтового города
Мастера искусств Ленинграда ведут плодотворную творческую работу. 10.440 шпекских концертов и 340 шпекских спектаклей в частях Красной Армии; большое количество новых постановок, показанных театрами города Ленина; много плакатов, политических карикатур, картин на темы борьбы советского народа с немецко-фашистскими оккупантами; более 500 новых музыкальных произведений — таков далеко не полный итог работы ленинградцев в дни отечественной войны.

Комитет по делам искусств при СНК СССР в специальном приказе отметил большую организаторскую роль, четкую и бесперебойную работу Ленинградского управления по делам искусств в обстановке фронтового города. Объявлена благодарность всему аппарату Ленинградского управления по делам искусств и премьеры: и. о. начальника управления П. Ракинский, зам. начальника управления Г. Лев, председатель военно-шефской комиссии Т. Карская и др.

Новые оперы и симфонии
В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

В Комитете по делам искусств были прослушаны новые оперы — «Гроза» И. Дзержинского, написанная по одноименной пьесе А. Островского, и «Любовь Яровая» В. Зинке — по одноименной пьесе К. Тренева.

В ближайшее время состоится прослушивание только что законченной композитором С. Прокофьевым оперы «Война и мир» и «Омфонио-баллады» и 23-й симфонии Н. Мясковского.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

МУЗЫКА И ТЕКСТ

АРТИСТЫ В КРЫМУ

Адрес редакции: Москва, Спиридоновка, 2., телефон К 4.76-02.

Типография издательства «Московский большевик», Чистые пруды, 8.